

Полтавские губернские ведомости.

1896. 31 июля. № 59.

С. 2-3.

По поводу замѣтки А. Чехова о Сахалинѣ.

Г. Ливинъ, бывшій смотритель тюрьмы на о. Сахалинѣ, проситъ насъ дать мѣсто его возраженіямъ на нѣкоторыя, по его завлеченію, существенныя погрѣшности, вкравшіяся въ сообщенія А. Чехова о Сахалинѣ.

„Новое Время“ № 7.265, въ замѣткѣ своей по поводу помѣщенныхъ въ „Полт. Губерн. Вѣдом.“ № 33 доставленныхъ мною свѣдѣній о трудѣ каторжныхъ на Сахалинѣ, между прочимъ, замѣчаетъ, что свѣдѣнія эти „отчасти сходятся съ тѣми, что сообщаетъ г. А. Чеховъ въ своей книгѣ о Сахалинѣ, отчасти прямо расходятся“.

Свѣдѣнія г. А. Чехова о Сахалинѣ дѣйствительно расходятся съ моими и иначе не можетъ быть, по той простой причинѣ, что г. Чеховъ пробывъ на Сахалинѣ только 2—3 недѣли, перѣзжая съ одного мѣста въ другое, а я прослужилъ тамъ въ должности смотрителя тюрьмы слѣшкомъ 9 лѣтъ и все время старательно занимался сельскохозяйственными работами, приучая къ этому благодарному труду каторжныхъ и поселенцевъ, которымъ трудъ этотъ можетъ вполне обезпечить будущность, устраняя необходимость искать средства къ жизни путемъ преступленій.

При этихъ занятіяхъ я не могъ не ознакомиться съ климатомъ и плодородіемъ острова, и на основаніи многолѣтняго опыта повторяю, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что островъ Сахалинъ, по плодородію своему и при

желаніи власти живущихъ, — легко можетъ сдѣлаться житницей Приморской окранны.

Не обладая литературными способностями, я, къ сожалѣнію, не могу взяться за разборъ книги г. А. Чехова о Сахалинѣ, которая крайне ударила меня какъ обиліемъ свѣдѣній, схваченныхъ на лету изъ разсказовъ разныхъ лицъ и возведенныхъ въ факты безъ всякой личной провѣрки, такъ и тѣмъ, что г. Чеховъ не потрудился глубже всмотрѣться даже въ то, что видѣлъ лично, а взглянувъ на все поверхностно, какъ-бы случайно, мимоходомъ, сдѣлалъ свои выводы какъ о фактахъ неоспоримыхъ, имъ тщательно изслѣдованныхъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ, которые легко могутъ быть провѣрены даже документально.

Г. А. Чеховъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги отзываясь съ похвалою о дѣятельности начальника Тымовскаго округа г. А. М. Бутакова, называя его „несомнѣнно заботливымъ человѣкомъ“, — какимъ онъ при своей высокой честности, дѣйствительно и былъ — и въ тоже время укоряетъ г. Бутакова за допущенія въ средѣ поселенцевъ совладѣльцевъ или половничиковъ, совместно ведущихъ хозяйства.

Не справившись ни у г. Бутакова и ни у кого другого, вслѣдствіе чего практикуется этотъ порядокъ размѣщенія поселенцевъ, г. Чеховъ сдѣлалъ произвольный выводъ (феврал. стр. 41), что г. Бутаковъ „сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь съ обстоятельствами и не

заглядывая въ будущее“.

Мнѣ кажется, что простая логика должна была подсказать г. Чехову, что „несомнѣнно заботливый человѣкъ“ не можетъ дѣлать служебное дѣло „какъ-нибудь, не соображаясь съ обстоятельствами и не заглядывая въ будущее“, а потому, на основаніи той же логики г. Чехову слѣдовало бы спросить г. Бутакова, вслѣдствіе чего практикуется имъ названный порядокъ размѣщенія поселенцевъ, и тогда г. Чеховъ узналъ бы, что совладѣльцы размѣщались первоначально только въ селеніи Рыковскомъ, которое состояло въ моемъ вѣдѣніи, и было это вкзвано тѣмъ, что въ 1886 году переселено изъ Александровскаго округа въ Тымовскій около 160 человѣкъ поселенцевъ, исключительно горожанъ, не имѣвшихъ ни малѣйшихъ понятій о сельскохозяйственныхъ работахъ. Размѣстивъ этихъ горожанъ на отдѣльныхъ участкахъ, гдѣ они не умѣли бы построить себѣ не только домовъ, но даже землянокъ, или оставить ихъ совсѣмъ безъ участковъ — значило бы создать опасный пролетаріатъ, который неминуемо занялся бы азартною игрою, воровствомъ и убійствомъ, а потому было рѣшено снаривать горожанъ для совѣстнаго домоводства съ холостыми поселенцами, хорошо знакомыми съ сельскимъ хозяйствомъ въ расчетъ, что горожане, научившись сельско хозяйственнымъ работамъ, могутъ отдѣлиться отъ своихъ совладѣльцевъ и получить отдѣльные участки. Мнѣ же было вѣщено въ обязанность наблюденіе за сельскохозяйственными работами городскихъ поселенцевъ. Результатъ получился вполне удовле-

Полтавские губернские ведомости.

1896. 31 июля. № 59. 2. неофициальная.

С. 2-3.

творительный и, благодаря этому порядку, десятки поселенцев изъ бывших горожанъ живутъ въ настоящее время отдѣльными исправными домохозяевами.

Въ округахъ Александровскомъ и Корсаковскомъ бездомные поселенцы являются страшнымъ бичемъ для домохозяевъ, которыхъ часто обкрадываютъ и даже убиваютъ, тогда какъ въ с. Рыковскомъ въ мое время не было ни одной кражи, ни одного убійства, благодаря отсутствію бездомныхъ поселенцевъ.

Въ Корсаковскомъ округѣ хорошее впечатлѣніе, по видимому, произвели на г. Чехова окружной начальникъ, „любящій комфортъ и хорошую кухню“ и смотритель поселеній, котораго, какъ пишетъ г. Чеховъ (март. стр. 17, примѣч.), „попросишь прочесть что нибудь, и онъ прочтетъ съ чувствомъ какое нибудь длинное стихотвореніе, а то и два“, а также и благоустройство населенія этого округа, о которомъ (населеніи) г. Чеховъ говоритъ такъ, какъ будто все оно пользуется полнымъ благосостояніемъ и ничего лучшаго не желаетъ, уверждая (март. стр. 18), будто „здѣшніе крестьяне не горючатся уважать на материкъ“.

Въ действительности все это далеко не такъ. Последній годъ службы своей на Сахалинѣ я управлялъ Корсаковскимъ округомъ, найденнымъ мною въ крайне жалкомъ состояніи, что отчасти можно видѣть изъ моихъ приказовъ по округу за 1892 г.

Среди крестьянъ Корсаковского округа, какъ и въ другихъ округахъ, не мало желающихъ уѣхать на материкъ, хотя бы только для того, чтобы

избавиться отъ гнетущаго сосѣдства тюрьмы и тюремной администраціи, но корсаковцы привязаны къ мѣсту значительнымъ долгомъ казенъ и до полной уплаты числящагося на нихъ долга они не могутъ получить разрѣшенія на выѣздъ.

Селенія этого округа дѣйствительно находятся въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ селенія сѣверныхъ округовъ, благодаря тому, что большинство изъ нихъ, существуя съ 1881—82 г.г., успѣли матеріально окрѣпить, но къ ихъ несчастью, „любящій комфортъ“ окружной начальникъ допустилъ широкую продажу водки и это подорвало благосостояніе большинства населенія.

Въ Корсаковскомъ округѣ, въ с. Владимировкѣ, находится сельско-хозяйственная ферма, называемая населеніемъ „фирмой“, состоявшая въ вѣдѣніи смотрителя поселеній, чтеца стихотвореній, который, по словамъ г. А. Чехова (мартъ стр. 22 и 23) „изъ всѣхъ Сахалинскихъ чиновниковъ наиболее свѣдущъ въ агрономіи и относится къ дѣлу добросовѣстно и любовно, но на его образцовой фермѣ урожай часто бываетъ хуже, чѣмъ у поселенцевъ, и это вызываетъ всеобщее недоумѣніе и даже насмѣшки“. Въ оправданіе чтеца стихотвореній г. А. Чеховъ приводитъ слѣдующую аргументацію: „ферма, на которой нѣтъ ни метеорологической станціи, ни скота, хотя бы для навоза, ни порядочныхъ построекъ, ни знающаго человека, который отъ утра до вечера занимался бы только хозяйствомъ—это не ферма, а въ самомъ дѣлѣ одна лишь „фирма“.

Не понимаю, откуда почерпнулъ г. А. Чеховъ, что на названной фермѣ не было ни скота, ни порядочныхъ построекъ. Можно документально удостовѣриться, что на этой фермѣ постоянно находилось 5 лошадей для развѣздовъ смотрителя поселеній и священника и отъ 16 до 20 быковъ для работъ на фермѣ, слѣдовательно, навозу было достаточно и, кромѣ того, за скотнымъ дворомъ усмотрѣны мною громадные горы стараго перегорѣлаго навозу, покрытыя порослью. Затѣмъ, по заявленію бычачиковъ и конюховъ, навозъ постоянно сжигался, что пришлось и мнѣ лично видѣть при осмотрѣ фермы, въ іюнѣ 1892 г.—Изъ построекъ имѣются на этой фермѣ: большой домъ или, вѣрнѣе сказать, казарма для рабочихъ, съ кухней, кладовою и отдѣленіемъ для надзирателя, 3 громадныхъ сарая—одинъ для складыванія хлѣба въ снопахъ, другой съ прекраснымъ токомъ для молотбы хлѣба и третій, немного меньшій, для храненія земледѣльческихъ орудій и рабочаго и выѣзднаго обозовъ, громадный складъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій, для храненія зернового хлѣба, большой сарай, или хлѣвъ для рогатаго скота и большая конюшня съ 6 стойлами для лошадей. Всѣ зданія изъ прекраснаго лѣса, покрыты тесомъ.—Земледѣльческія орудія здѣсь имѣлось болѣе чѣмъ достаточно: въ сараѣ для храненія оныхъ, я нашелъ заваленные поломанными телегами и санями дорогіе американскіе и нѣмцкіе металлическіе бороны, сохи и плуги; нѣкоторые изъ нихъ не были еще въ употребленіи, но всѣ проржавлены и побиты.

Полтавские губернские ведомости.

1896. 31 июля. № 59. 2 неофициальная

С. 2-3.

При этой фермѣ постоянно состояло отъ 60 до 80 рабочихъ, каторжныхъ, а во время уборки хлѣба и сѣна число это значительно увеличивалось. На этой фермѣ все нужное было въ весьма достаточномъ количествѣ, не доставало только хорошаго распорядителя, наличный же, чтецъ стихотвореній, превратилъ эту ферму въ помѣщище для ссыльныхъ.

Г. А. Чеховъ, посѣтивъ ввѣренную мнѣ Рыковскую тюрьму во время моего отсутствія, и осмотрѣвъ ее, повидимому, съ особенною тщательностью, нашелъ порядокъ въ ней, дисциплину и довольствіе арестантовъ доведенными до образцоваго состоянія.

Обо мнѣ же, между прочимъ, вотъ что говорить г. Чеховъ.

„Смотритель Рыковской тюрьмы, г. Ливинъ, человекъ даровитый, съ серьезнымъ опытомъ, съ инициативой, съ опредѣленными взглядами, и тюрьма всѣмъ тѣмъ, что въ ней хорошо, обязана, главнымъ образомъ, ему. Къ сожалѣнію онъ имѣетъ сильное пристрастіе къ розгѣ, которое уже однажды было ознаменовано покушеніемъ на его жизнь. На него, какъ на звѣря, съ ножомъ бросился арестантъ, и это нападеніе имѣло гибельныя послѣдствія для нападавшаго. Постоянная заботливость г. Ливина о людяхъ, его горячее, страстное отношеніе къ дѣлу, а въ то же время, розги, упоеніе тѣлесными наказаніями, какъ хотите, сочетаніе ихъ съ чѣмъ несообразное и необъяснимое“.

Не покажется ли страннымъ, что г. Чеховъ, съ чужого голоса обнаруживъ во мнѣ „необъяснимую аномалію сочетаній“, новѣдаль меня лично и

нѣсколько времени поговорить со мною, — не полюбостествовалъ узнать мои принципы, взгляды на вещи и образымыслей, а удовольствовался одними слухами обо мнѣ

Мнѣ кажется, что если ужъ ѣхать въ такую даль, какъ Суханинъ, съ цѣлью ознакомиться съ бытомъ ссыльныхъ, то слѣдовало бы глубже всматриваться тѣмъ въ людей, дѣла и вещи, не ограничиваясь слухами и не доверяя поверхностному взгляду.

Къ приведеннымъ мною призракамъ скороспѣлыхъ заключеній приведу еще одинъ: г. Чеховъ увидалъ, въ Рыковской тюремной кухнѣ двухъ привлеченныхъ ссыльныхъ, живыхъ въ заключеніе, будто эти ссыльные находятся въ качествѣ заведующихъ и распорядителей арестантскимъ продовольствіемъ и благодаря имъ, существуетъ въ тюрьмѣ хорошая „постановка дѣла“ — тогда какъ эти двое ссыльныхъ были назначены мною для присмотра за кухней и некарьерной лишь на время отсутствія старосты, посланныхъ мною установить новое мѣсто для рыбной ловли, при чемъ эти два ссыльныхъ, живя въ собственныхъ домахъ и получая нищевое довольствіе на руки, никимъ образомъ и не могли быть „заведующими и распорядителями“ арестантскимъ продовольствіемъ.

Во время пребыванія г. Чехова въ Рыковсконъ, я былъ особенно сильно занятъ дорожными работами, рыбной ловлей, уборкой сѣна, озимого хлѣба и другими работами, но, при желаніи г. Чехова, охотно удѣлилъ бы время на ознакомленіе его съ бытомъ каторжныхъ, ихъ нравственнымъ прогрессомъ, громаднымъ хозяйствомъ,

Полтавские губернские ведомости.

1896. 31 июля. № 59. Газета неофициальная.

С. 2-3.

какого не было ни въ одной изъ сахалинскихъ тюремъ, и надѣляя изъ дерева, металла, крапивныхъ волоконъ и другихъ матеріаловъ, а также и поныне образуютъ дѣйствій по управленію каторжниковъ.

Ознакомившись съ дѣломъ лично казначей, г. Чеховъ, на всей яростности, обо всемъ нависалъ бы совершенно иначе, и навѣрно не свазалъ бы, что я питаю „сильное пристрастіе къ розгѣ“ и склоненъ къ „упоению тѣлесными наказаніями“. Вся сахалинцы знали, что я никогда при наказаніи влетѣть, не присутствовалъ (это наказаніе назначается только судомъ) поручая всегда своему пономщику, за исключеніемъ одного случая, когда не могъ отказать просьбѣ самого преступника, заставившаго мнѣ объ угрозахъ палача непремѣнно убить его веревкою десятью ударами.

Затѣмъ, изъ штрафного журнала и моей памятной книжки г. Чеховъ удостоившись бы, что въ моей тюрьмѣ тѣлесное наказаніе практиковалось значительно рѣже, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ, такъ какъ мнѣ фактически извѣстно, что физическая боль наказаній не исправляетъ и даже не устрашаетъ преступниковъ, въ средѣ которыхъ немало субъектовъ, готовыхъ получить десятки ударовъ розгъ за нѣсколько напросъ; да и сами наказанія практиковались мною съсѣмъ иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ Сахалинскихъ тюрьмахъ, въ которыхъ преступникъ наказывался безъ всякаго контроля и безъ сдѣланія „числовъ“ ударовъ, но такъ какъ это дѣлалось въ закрытыхъ стѣнахъ, втихомолку, безъ

лишнихъ свидѣтелей, то объ этомъ мало говорили. Въ моей же тюрьмѣ всякій проступокъ всегда разбирался мною передъ фронтомъ всей тюрьмы и обвиняемому предоставленъ былъ широкій просторъ для оправданія; если же обвиненіе имѣлось доказаннымъ, то тутъ же опредѣлялись родъ и мѣра наказанія, навѣрнѣе: арестъ въ карцеръ, наложеніе ножныхъ кандаловъ, стояніе въ свободное отъ работы время — лѣтомъ — среди двора, а зимой въ карцеръ передъ образомъ, и лишь въ такихъ случаяхъ, какъ кража или крупное нарушеніе дисциплины — тѣлесное наказаніе въ размѣрѣ отъ 15 до 25 ударовъ, которое приводилось въ исполненіе тутъ же, передъ фронтомъ, съ громкимъ счетомъ одного изъ старостъ числа ударовъ.

Каторжные много разъ говорили мнѣ лично, что они скорѣе согласны получать сотню ударовъ въ стѣнахъ, чѣмъ дегитокъ всенародно, передъ фронтомъ всей тюрьмы. Такой способъ наказанія дѣйствовать на нихъ по-настоящему и они страшно боялись его. Но не вѣдо того они боялись стоянія среди двора и наложенія кандаловъ, вызывавшихъ насмѣшки товарищей.

Наконецъ, я не могъ упиваться тѣлесными наказаніями уже потому, что моя тюрьма не выносила стоновъ наказуемаго. Ослуживая мнѣ поныне много разъ приходилось помогать мнѣ скрывать отъ тюрьмы слабость моихъ нервъ, которая и вынудила меня оставить службу на Сахалинѣ и поселиться изъ-за Россіи.

Ф. Ливинъ.